

Рисовые волны перекатывались по полям, вода в земле уже высохла под солнцем, обнажив крепкие стебли, тянувшиеся из почвы. В деревню Сяохэ снова пришло время жатвы: целый год труда превратился в тяжёлые, налитые колосья, где зелень уже переходила в золото, будто весна и осень смешались вместе.

Погода стояла ясная и ветреная, и десять му земли у подножия Западной горы тоже подошли к сроку уборки. На жатву нужно было выходить, едва начинало светать. В эти дни о долгом сне можно было забыть. На рассвете каждый выпивал по чашке горячей воды, брал лепёшку и доедал стоя; если казалось пресно, внутрь заворачивали немного кислой маринованной фасоли.

В самый напряжённый сезон уже не до того, чтобы неторопливо садиться за стол, как обычно. Главное - набить желудок и успеть выйти в поле до того, как солнце поднимется из-за гор. Пока воздух прохладный, работать легче всего.

Сяо И закинул на спину заплечную корзину, Линь Мудун взял серп, бабушка - низенькую скамеечку. Все трое заперли дом и отправились к рисовым полям.

— Когда закончим жатву, сварим целый котёл рассыпчатого риса и попробуем новый урожай,  
— сказал Сяо И, идя по меже и стараясь завести разговор с Линь Мудуном.

Услышав такое простое и вполне осуществимое обещание, Линь Мудун улыбнулся, кивнул и даже ускорил шаг.

Урожай приносил радость, но стоило вступить в поле и взяться за работу, и становилось ясно, насколько это тяжело. Линь Мудун впервые пробовал жать рис, и Сяо И терпеливо его учил. Ничего особенно сложного в этом не было, работа из тех, что понимаешь с первого взгляда: левой рукой крепко захватить пучок стеблей, правой серпом срезать примерно на трети высоты, оставляя корни в земле. Выдёргивать с корнем не требовалось. Остатки стеблей перегниют в поле и на следующий год станут удобрением. Срезанный пучок нужно было связать и бросить на межу, а потом уже собрать всё разом.

Сяо И объяснял подробно, Линь Мудун слушал внимательно и довольно быстро освоился, только работал пока медленно.

— Очень хорошо, — тихо похвалил Сяо И. — Не спеши. Медленно тоже нормально. Нас трое, за день одного му вполне хватит. Потом ещё зерно обмолачивать, так что торопиться некуда.

Он говорил нарочно легко, потому что боялся, что фулан переутомится. На деле жатва риса не могла быть лёгкой: приходилось буквально вырывать время у погоды и, пока стоят ясные дни, успеть ещё и просушить зерно. Но Сяо И и один справлялся - все прошлые годы выдерживал сам, поэтому не хотел взваливать на фулана слишком много.

А Линь Мудун этого не знал. Стоило его похвалить, как он украдкой обрадовался, несколько

раз быстро кивнул и с улыбкой принялся жать ещё проворнее. Когда он был маленьким и учился в школе, наставница тоже хвалила его за то, что он быстро схватывает. И тогда он начинал стараться ещё сильнее. Для Линь Мудуна похвала всегда была лучшей наградой и сразу прибавляла сил.

Сяо И вообще-то хотел, чтобы фулан работал помедленнее, но, похоже, добился прямо противоположного. Он беспомощно усмехнулся, больше не стал отвлекаться и поспешил вернуться к своей грядке, чтобы продолжить работу.

Как бы ни хотелось работать не спеша, всё равно нужно было успеть закончить жатву, пока держалась хорошая погода. Земледельцы с детства умели смотреть на небо и знали, когда будет солнце, а когда пойдёт дождь. Эти несколько дней стояли безоблачными и ясными - самое подходящее время.

Линь Мудун посмотрел на Сяо И, потом на бабушку и стал подражать им, аккуратно складывая срезанные рисовые стебли. Пусть жал он не так быстро, как Сяо И, зато почти не ронял колосья на землю. На его полосе потом не придётся ничего подбирать, да и сложенные на меже снопы лежали очень ровно.

Солнце быстро поднялось из-за далёких гор. Теперь его лучи уже заметно припекали. А поскольку все постоянно двигались, даже в прохладную осень спина быстро покрывалась потом. Линь Мудун устал, но отдыхать не стал. Только когда пришло время попить, выпрямился и перевёл дух. Утром они наполнили бамбуковые фляги прохладной водой, и теперь она приятно освежала.

— Бабушка, попей воды и немного отдохни, — заботливо сказал Линь Мудун, протягивая ей флягу.

— Хорошо, хорошо, — Ли Юйфэнь была уже немолода и работала не так быстро, как молодые, зато всё делала тщательно и тоже помогала немало.

А Сяо И к тому времени уже ушёл далеко вперёд.

Линь Мудун посмотрел в его сторону и поспешно понёс бамбуковую флягу следом.

— Ты пить хочешь? Здесь ещё вода есть. Допьёшь - я потом схожу домой и наберу ещё.

Сяо И взял флягу и жадно выпил всё большими глотками. Вскоре она опустела до дна.

В прошлые годы он всегда жал рис один. Если пересыхало во рту, просто терпел, и лишь к полудню, возвращаясь домой изнемогшим от жажды, запивал лепёшку глотками холодной воды. Поэтому эта внезапная забота на мгновение заставила его растеряться.

Но он быстро пришёл в себя и с улыбкой сказал:

— Ты с бабушкой возвращайся домой и отдохни. После полудня, когда станет прохладнее, снова придёте. Здесь я и один справлюсь.

Линь Мудун покачал головой. Он не хотел оставлять Сяо И здесь одного.

— Тогда я попрошу бабушку вернуться, а сам останусь с тобой. Работы тут немного, я совсем не устал.

Он спрятал руки так, чтобы Сяо И не увидел. На когда-то нежных ладонях теперь вздулись сплошные волдыри. Было немного больно, но Линь Мудун ясно понимал: он уже не тот маленький гэр из Хэси, который жил в достатке и ни в чём не нуждался. Теперь домашние дела нужно было делить вместе. Не мог же Сяо И и правда жениться на нём только затем, чтобы потом самому его обслуживать. Это было бы несправедливо.

Пусть работал он медленнее, всё равно делал свою часть того, что должен был делать.

Заметив каплю воды у уголка губ Сяо И, Линь Мудун снова достал платок и осторожно вытер ему рот.

Когда человек устал, ему трудно глубоко о чём-то размышлять. Внезапная близость фулана заставила Сяо И почувствовать, что какой бы тяжёлой ни была работа, всё это стоило того. Ему даже захотелось, как в ту ночь, просто держать Линь Мудуна за руку и ничего не говорить.

— Иди посиди немного на меже. Здесь осталось совсем чуть-чуть, я сам закончу.

Сяо И снова опустил голову и принялся за работу. Обнажённые предплечья были крепкими и сильными, когда он сжимал пучки рисовых стеблей, под кожей отчётливо проступали сухожилия. Работал он быстро, и прежде чем Линь Мудун успел что-либо сказать, уже ушёл далеко вперёд. Линь Мудуну оставалось только сесть на межу, закрыть глаза и немного отдохнуть под ветром, гулявшим над рисовыми полями.

Несколько лет назад он только и думал о том, что находится за далёкими горами, почему солнце каждый день выходит из-за одного склона и почему потом садится с другой стороны. А теперь ему казалось, что достаточно просто быть рядом с Сяо И. Пока они вместе находились в этом маленьком уголке мира, в сердце уже было полно спокойствия и удовлетворения.

Даже обедали они прямо в поле: два маньтоу, тарелка жареного мяса ломтиками, немного рисового отвара и солений - этого уже хватало. В более бедных семьях деревни даже в самую напряжённую пору не всегда могли позволить себе мясо.

Линь Мудун доел, отставил чашку и палочки в сторону, снова взял серп и вернулся в поле.

Такова жизнь земледельцев: трудиться, сеять и жать - лишь ради трёх ежедневных трапез. Когда работы особенно много, порой некогда даже поесть. Наклонишься к земле, а когда снова поднимешь голову - уже незаметно стемнело.

Срезанный рис ещё предстояло обмолотить. Ночью луна светила ярко, так что даже масляные лампы были не нужны. Почти в каждой семье люди оставались на полях и молотили зерно, стараясь воспользоваться сухой ночью - важнее всего было успеть как следует просушить урожай.

Сяо И и Линь Мудун тоже не стали исключением. Когда они закончили обмолот, была уже глубокая ночь. Руки и ноги ломило так, что едва удавалось ими шевелить. Под одежду Линь Мудуна набилось немало рисовой соломы, кожа от трения покраснела. Он согнул пальцы, почесал раздражённое место и вытащил застрявшие листья.

Ли Юйфэнь стало жалко молодых. Она поспешно нагрела котёл воды, разбавила её холодной в ведрах и позвала:

— Идите оба помойтесь. Когда всё тело разгорячено и липнет, всё равно нормально не уснёшь.

Сяо И взглянул на фулана и заметил, что запястье Линь Мудуна исцарапано рисовыми листьями. Крови не было, но кожа покраснела так сильно, что смотреть было неприятно. Он нахмурился:

— Ты сначала иди мойся. Я пока немного поплету изгородь. Потом намажь лекарственной мазью и не жалея денег. На что ещё деньги нужны, если не на то, чтобы ими пользоваться?

— Хорошо, — тихо ответил Линь Мудун.

Сяо И угадал его мысли, и тот снова хихикнул. Ему нравилось быть бережливым маленьким гёром.

— Тогда и ты намажься, — добавил он.

Сяо И тут же решил его подразнить:

— А у меня ранка на спине. Я разденусь, а ты мне намажешь?

Линь Мудун посмотрел на него, прищурившись с подозрением. Думает, раз он младше и неопытнее, то ничего не понимает? Где это видано, чтобы во время жатвы поранить спину?

Но он всё-таки решил подыграть Сяо И:

— Сначала вымойся. Когда закончишь, я намажу.

Сяо И: ?

Почему фулан больше не попадает на уловку? Теперь его не так просто было заставить покраснеть. А Сяо И как раз нравилось смотреть на Линь Мудуна в такие моменты - тот становился особенно живым и красивым.

Сяо И был молодым и крепким мужчиной. Даже если силы совсем иссякали, стоило немного отдохнуть, как они быстро возвращались. Фулан очень дорожил посаженными овощами, поэтому Сяо И хотел поскорее закончить изгородь и поставить пугала, чтобы тот не тревожился.

Яркая луна висела высоко в небе, деревня постепенно погрузилась в тишину. Линь Мудун и Сяо И легли спать и в кои-то веки почти не разговаривали. Оба устали так, что стоило закрыть глаза, и сон сразу накрыл их. Завтра ещё предстояло немало работы.

—

Но у любой занятости бывает конец. После семи-восьми тяжёлых дней урожай на полях наконец был полностью собран. Весь двор теперь был усыпан золотистым зерном. Погода благоприятствовала им: несколько дней подряд стояло ясно, и зерно успело просохнуть как следует.

Линь Мудун зачерпнул пригоршню риса. Стоило подумать, что всё это - еда, как усталость последних дней сразу переставала казаться чем-то значительным. Он разжал пальцы, зерно с мягким шелестом посыпалось вниз, и на лице появилась улыбка.

В соседнем дворе семья Чэнь Сяньюэ и Дацяна тоже закончила обмолот. Людей у них было больше, поэтому зерно уже успели убрать в амбар, и теперь наконец появилось время перевести дух.

В этом году урожай удался, и свекровь Чэнь Сяньюэ была в хорошем настроении. Она вынесла из своей комнаты корзинку яиц - за это время накопилось целых двадцать, немало. Изначально старушка собиралась продать их, но, увидев, как невестка все эти дни без жалоб трудилась с утра до ночи, позвала Чэнь Сяньюэ в комнату и сказала:

— У твоих родителей работников мало, а полей много. Возьми яйца, прихвати Цяна и съездите к ним. За целый год всё равно нужно хоть раз навестить отца с матерью.

Глаза Чэнь Сяньюэ сразу покраснели. Она так растрогалась, что даже не знала, как выразить благодарность. Хотя в родительском доме людей и правда было немного, семья жила зажиточно и, если не справлялась сама, могла нанять работников. Чэнь Сяньюэ прекрасно

понимала: свекровь просто заботилась о ней и нашла предлог, чтобы отпустить домой повидаться с родными.

Она поспешно закивала:

— Поняла, матушка. Мы с Дацияном завтра утром и поедem. Но дома тоже дел много, так что постараемся вернуться пораньше.

Возвращаясь в родительский дом, Чэнь Сяньюэ никогда не шла с пустыми руками. Свекровь всякий раз давала ей с собой яйца и вино, а ведь яйца стоили недёшево. Её родители тоже помнили добро сватов: если на охоте добывали кролика или дикого оленя, обязательно велели дочери отнести часть обратно в семью мужа. Деревенские завидовали и судачили, будто она ездит к родителям пожить за их счёт. Чэнь Сяньюэ не желала с ними спорить, достаточно, что свои знают правду. Пусть завидуют сколько угодно, всё равно им не достанется ни оленины, ни кабанятины. Вот и пусть захлёбываются слюной.

Осенняя жатва подошла к концу, но на полях ещё оставались пропущенные колосья и рассыпавшиеся зёрна. Оставлять их птицам было жалко, поэтому, когда выпадало свободное время, Линь Мудун и Ли Юйфэнь брали корзинки и шли подбирать остатки урожая.

Сяо И отдохнул три дня, восстановил силы и сегодня с самого утра отправился на пристань в городке искать работу. Если человек не был совсем уж ленивым, то всегда старался заработать ещё немного и помочь семье.

Линь Мудун завернул в узелок горячую воду и баоцзы, проводил Сяо И, а потом вместе с бабушкой тоже отправился в поле собирать колосья. Их рисовые поля вплотную примыкали к земле семьи Чжоу. Подбирая колосья, Линь Мудун заметил Чжоу Ли и уже поднял руку, собираясь позвать хорошего друга к ним.

Но слова замерли на губах. Только теперь он увидел, что рядом с Чжоу Ли стоит Лю Шунь. Их было всего двое.

Линь Мудун мгновенно прикрыл рот рукой и притих, не осмеливаясь им мешать.

Лю Шунь держал в руках малину и выглядел всё таким же растерянным. Он явно хотел заговорить, но боялся сказать что-нибудь не то и снова рассердить Чжоу Ли.

— Ли-гэр, ягоды, которые я вчера собрал, испортились. Поэтому сегодня утром я снова сходил в горы и набрал свежих.

Чжоу Ли продолжал наклоняться и подбирать рисовые колосья, не обращая на него внимания. Лю Шунь заметно помрачнел. Он положил малину на межу, спустился в поле и тоже принялся собирать колосья. Постепенно, сам того словно не замечая, подходил всё ближе и ближе к

Чжоу Ли.

Его длинный халат, который никогда не бывал в поле, уже испачкался грязью. И собирать колосья он явно не умел - выглядел до крайности неловко и жалко.

Рука Чжоу Ли едва заметно замерла. Но, вспомнив всё, что было прежде, он ничего не сказал, молча отодвинулся и повернулся к Лю Шуню спиной. Когда маленькая корзинка наполнилась, Чжоу Ли поднялся, чтобы пересыпать колосья в заплечную корзину. Она оказалась тяжёлой, и вдруг сзади протянулась пара рук, помогая ему поднять её.

— Тебе не нужно так делать, — Чжоу Ли обернулся. — Мы с самого начала не подходили друг другу. Ты любишь учиться и читать стихи, а я ни одного иероглифа не знаю. Ты тихий и спокойный, а я только и умею, что по стенам лазить да на деревья карабкаться. Лю Шунь, я знаю себе цену. Больше никогда не стану тебя преследовать. Если ты добьёшься учёной степени, тебе и жениться следует на девушке из хорошей семьи или на таком, как Ли Вэньвэнь. Это точно буду не я...

Договорив, Чжоу Ли вдруг почувствовал, будто сердце пронзило болью и внутри разорвалась рана. Раньше он упрямо добивался, чтобы Лю Шунь женился на нём, давно отбросив всякую гордость. За спиной деревенские судачили, что он совсем стыда не знает. Из-за него и родители постоянно тревожились, каждый день с кем-нибудь ссорились.

Чжоу Ли устал. Он наконец признал, что всего лишь грубоватый деревенский гэр. Может, лучше выйти за обычного мужчину и спокойно прожить свою жизнь.

Лю Шунь запаниковал и поспешно замотал головой:

— Я не буду добиваться учёной степени. И в город больше не поеду.

Чжоу Ли посмотрел на него:

— Ради меня?

Лю Шунь растерянно кивнул.

Чжоу Ли рассмеялся:

— А если потом пожалеешь и снова захочешь бороться за своё будущее, я ведь совершенно естественно превращусь в помеху на твоём пути. Будешь ты добиваться учёной степени или нет, какое это имеет отношение ко мне?

Несколько этих фраз заставили Лю Шуня застыть. Он учился больше десяти лет, а теперь

впервые будто по-настоящему растерялся и начал мучительно сомневаться, словно внезапно перестал понимать, ради чего вообще столько лет читал книги. На лице проступило замешательство.

Чжоу Ли поднял маленькую корзинку и ушёл, больше на него не оглядываясь.

К этому времени Линь Мудун как раз набрал полную корзину. Увидев, что Чжоу Ли уходит, он забеспокоился, предупредил бабушку и поспешил следом.

— Ли-гэр, — Линь Мудун легонько потянул его за руку. — Я всё слышал. Если хочешь плакать, можешь поплакать тайком.

— Я что, по-твоему, такой плакса? — Чжоу Ли рассмеялся.

Оба тут же вспомнили тот день в горах, когда Чжоу Ли ревел во весь голос так, что распугал всех птиц на деревьях. На лицах обоих одновременно появилось лёгкое смущение.

Чжоу Ли махнул рукой:

— Вот ещё, не буду я плакать. Если Лю Шунь так и не разберётся в себе, пусть потом смотрит, как я выхожу замуж в семью У!

Сказано было твёрдо и решительно. Но Линь Мудун всё равно заметил, что глаза Чжоу Ли покраснели. Было ясно: на самом деле он всё ещё ждал, что Лю Шунь наконец всё обдумает и их помолвка между двумя семьями всё-таки останется в силе.

В течение месяца после осенней жатвы Лю Шунь, похоже, больше не приходил к Чжоу Ли. Каждый день он рано уходил и поздно возвращался из города, лишь иногда украдкой заглядывал к воротам семьи Чжоу, надеясь хоть мельком увидеть Чжоу Ли.

<http://bllate.org/book/19002/2028383>